

„Russian Orthodox American Messenger”

Подписная цѣна на годъ: 24 выпуска 3 дол. (6 рублей).

TERMS OF ANNUAL SUBSCRIPTION: 24 issues — \$3.00.

Огдѣльные номера по 15 ц. Issued semi-monthly, every 14-th and 28-th. Single copies at 15 cents.
Rev. A. Hotovitzky, Publisher. 15 E. 97th St. N. Y. City

— Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter. —

No 7 Vol. XVII. NEW YORK, April 14. 1913, 1 Апрель 1913 г. No. 7.

For English Text see page 151.

МИССИЙНЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

5-е Апрель — день сугубаго празднества въ С.-Американской Православной Церкви. Изъ года въ годъ — вотъ уже нѣсколько лѣтъ — наша Миссія свѣтло празднуетъ въ этотъ день память Ангела Первосвятителя своего, Высокопреосвященнѣйшаго Владыки ПЛАТОНА. Отнынѣ же эта празднественная радость завѣщается въ мѣрѣ сугубой Церкви Американской на всѣ грядущія времена, ибо наша Нью-Йоркская духовная Семинарія, разсадникъ миссіонерскаго духовнаго просвѣщенія въ Мисіи нашей, украшена храмомъ, посвященнымъ имени Преподобнаго Платона Студійскаго.

Молитвенно приобщается нынѣ вся вѣрная, горячо любящая своего Архипастыря и преданная ему, Американская православная Русь, этому великому торжеству, и горячо восклицаетъ:

Съ днемъ Ангела, дорогой нашъ Владыко! И да процвѣтаетъ, восходя отъ силы въ силу, — во славу святаго Православія — наша юная православная Именинница—Семинарія!

ПѢСНИ СТРАСТНЫЯ СЕДМИЦЫ.

I.

Изъ звеньевъ цѣль слагается исправно...
Сіянемъ солнце въ высяхъ возрастаетъ.
Послѣдній снѣгъ въ оврагахъ быстро таетъ,
И по уставамъ Церкви Православной
Христіанинъ о Страсти воспоминаетъ...

Призывный колокола звонъ
Тревожитъ лѣностнаго сонъ:
«Приди, о братъ, приди, желанный,
Воспоминаній насладись:
Передъ Спасителемъ смирись,
Когда поруганный, закланный,
Онъ міра грѣхъ на крестъ вознесъ
И далъ намъ радость вмѣсто слезъ».

II.

Лазарево Воскресеніе.

— «Если Христосъ Іисусъ не Господь, —
Молвить Марія:—«какъ Лазарь воскресъ?..
«Если истлѣвшая временемъ плоть
«Встала во образъ вселенскихъ чудесъ, —
«Какъ же не пѣтъ Іисусу: осанна!
«Сила вѣдь смерти такъ явно попрана»...

Думаю такъ за Маріей сестрой.
Камень же гробный душѣ говоритъ:
Будетъ ли голосъ, звучащій трубой,
Такъ же тебя, что нечувствительно спитъ,
Будетъ ли звать ко зарѣ воскресенья,
Или же быть тебѣ жребіемъ тлѣнья?...

III.

Недѣля Ваій.

Ученики толпой,
Оживлены мечтой,
Текутъ, грядутъ,
Царя ведутъ:
Ихъ дѣтскихъ вѣръ
То день теперь.

Межъ ними кроткій Царь
На мулѣ, какъ и встарь,
Идетъ въ Салимъ
И людъ за Нимъ.
Спѣшатъ, бѣгутъ,
Плащи кладутъ.

«Осанна!» кличъ кругомъ.
Народъ валитъ валомъ,
И ваій лѣсъ —

Въ восторгъ чудесъ,
Въ побѣды знакъ,
Въ Давида зракъ.

И дѣти тоже тутъ
Они поютъ, бѣгутъ,
Царя признавъ,
«Осанна!» давъ:
Природы гласъ
Въ великій часъ.

А впереди и садъ,
И Божій дивный градъ...
Онъ потрясенъ,
Онъ восторженъ.
Но въ храмѣ бичъ
Въ отвѣтъ на кличъ...

Неужли Твой народъ
Призыва не пойметъ?
И злобы адъ
Придетъ назадъ?..
Христосъ все зритъ, —
И Самъ слезить...

IV.

Великій Понедѣльникъ.

Не сытости, только плода
Искалъ отъ смоковницы Путникъ.
И—«пусть не найти никогда
«Отъ дерева злаго плода»—
Во ужасъ выслушалъ спутникъ.
Свершилось вѣлѣнное вмигъ:
Низпала корона древесная,
Осохнули корни, и—крикъ
Изъ сердца исторгнула въ мигъ
Сія перемѣна чудесная.

Ахъ, что же сказать мнѣ тебѣ,
Душа, опьяненная внѣшнимъ?
На зло обласкавшей судьбѣ
Нѣтъ добраго капли въ тебѣ,
Назначенной мукамъ кромѣшнымъ...

V.

Великій Вторникъ.

О, судъ придетъ! Онъ въ тѣмѣ грядетъ.
Онъ все очиститъ отъ личины:
Дѣла, слова и думъ налетъ, —
Все, все на свѣтъ дневной придетъ
И не уйдетъ своей судьбины.

Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Платонъ.

Но безъ елея добрыхъ дѣлъ,
 Безъ бодренной въ ночи молитвы,
 О, близокъ жалкій дѣвъ удѣлъ,
 Что какъ Женихъ на бракъ приспѣлъ
 Остались въ мракѣ безъ ловитвы.
 Сіянье, радость, красота —
 За милосердіе награда.
 Встрѣчайте, вѣрные, Христа,
 Лобзайте братскія уста,
 И дайте пищу жертвамъ глада.

VI.
 Великая Среда.

Капли слезъ и капли мира,
 Ароматъ души и травъ.
 Кто забудетъ васъ средь міра,
 Изъ Евангелія узнавъ?
 Сбереженій груды злата
 Безъ любви къ душѣ живой —
 Это участи утрата
 Той, что прощена слезой.
 Ученикъ спѣшитъ къ продажѣ,
 А продажная,—у ногъ...
 О когда же, о когда же
 Припаду къ Тебѣ, мой Богъ?

VII.
 Великій Четвертокъ.

— «Ты ли, Учитель, не будешь ужъ съ нами,
 Вѣрными учениками?
 Хлѣбъ и вино это Ты неужель
 Съ нами не вкусишь отсель?
 Жаждемъ и алчемъ не пищей — Тобою,
 Новой и вѣчной Лозою»...

— «Такъ ли?» Онъ рекъ, оглянувшись вокругъ:
 «Врагъ Мой сидитъ здѣсь, какъ другъ.
 «Но, предавая Себя въ заколеніе,
 «Вамъ говорю въ наученіе:
 «Всѣхъ возлюбите, какъ Я васъ люблю.
 «Вотъ Я Себя вамъ даю».
 «Ѣшьте и пейте въ общеніе со Мною,
 «Станите тварью иною.
 «Колось поспѣвшій роняетъ зерно,
 «Но не погибнетъ оно:
 «Вскорѣ по страсти, по скорби мученья,
 «Встанетъ заря Обновленья».

VIII.
 На Масличной горѣ.

Среди оливъ, припавъ къ скалѣ,
 Отцу смиренно Сынъ молился,
 Кровавый потъ съ Него струился
 И скорбь витала на челѣ.
 Какъ тяжесть тысячей страданій,
 Какъ неисчерпанное зло,
 Грѣха беремя то было
 Безъ облегченія упованій.
 Глядѣла въ очи Ему смерть,
 Въ саду друзья безмолвно спали,
 Но факелы уже блистали
 И недруговъ былъ полонъ вертѣ.
 Еще немного—и лобзанье
 Предало книжникамъ Христа.
 О смрадъ—предателя уста!
 О горечь—Кроткаго страданье!

IX.
 Ночь подъ Великую Пятницу.

Ночь неусыпная, злая, давящая!
 Будетъ ли злой тебѣ скоро конецъ?
 Вслѣдъ за Иудой толпа нестыдящая,
 И среди злобныхъ священникъ-наглець.
 Именемъ Божиимъ Богъ заклинается,
 Нищъ, беззащитенъ предъ судьями Богъ,
 Брэнной рукою—о стыдъ!—заушается
 Тотъ, Кто въ мгновеніе создать все могъ.
 Смѣхъ и побои; костеръ, отреченіе;
 Холодъ и стыдъ... Загорѣлся востокъ...
 Близится праздникъ, но въ дня рожденіе
 Лучшее избрано—къ смерти прирокъ.

X.
 Великая Пятница.

Передъ судьей Судья стоитъ.
 Всѣ говорятъ, а Онъ молчитъ.
 Его же смертныя созданья
 Ему жъ выпрашуютъ страданья.
 А Онъ, въ смиреніи великъ,
 Не отвратилъ отъ злобы ликъ.
 Безъ сожалѣнья, безъ раздумья
 Несется крикъ одинъ безумья:
 «Распи, распни!» — Кого распять?
 «Христа! Варавву намъ отдать»...
 И какъ весной прибои волны,
 Всѣ только злобой дикой полны.

Недужныхъ Врачъ, Цѣльба калѣкъ —
Въ вѣнцѣ терновомъ Человѣкъ.
И—стыдъ народу угожденья:
Христосъ достоинъ осужденья.

XI.

Плачь Богоматери.

«Дѣвы, жены милыя!
Поспѣшите, слезныя:
Пѣсни погребальныя,
Пѣсни все унылыя
Принесите, скорбныя,
На распятѣ Господа.

Поскорбите съ Матерью,
Матерью поруганной,
Сына на пропятіе
Отдающей горестно.
Нѣтъ на свѣтѣ солнышка
Ей, лишенной сладости,
Сына, сердцу милого.

Онъ на муку крестную
Злой рукою гонится,
Падаетъ подъ тяжестью
Дерева постыднаго.
То ль жаждала видѣть Я?
Тѣмъ ли Мнѣ утѣшиться,
Сыне Мой возлюбленный,
Сладкій Исусе Мой?

Что Мнѣ въ утѣшеніе
Оставляешь, Сыне Мой?
За Тобой идти ли Мнѣ,
На Голгоѣу горькую,
Или, обездоленной,
Ждать, какъ общалъ Ты намъ,
Свѣта воскресенія».

XII.

Смерть на крестѣ. Великая Суббота.

Солнце угаснуло, увидѣвши знаменье —
Бога простертаго плотью безвременно,
Дрогнули горы, и треснуло камень:
Умеръ—отъ Дѣвы Рожденный безсѣменно.
Тварь обновляется мукой распятія:
Вотъ душегубецъ средь рая вселяется,
Міру простерты съ любовью объятія,
Небо съ землею на вѣкъ примиряется.
Матерь скорбящая Сыномъ утѣшена,
Жертвы кровавыя будутъ отвержены,
Міра надежда на древѣ повѣшена,

Адовы крѣпости въ прахѣ повержены.
Чудо ль, что Праздникъ святой начинается?
Сѣмя стокласно въ землю хоронится.
Видите? Тайна любви открывается:
Бѣдныхъ богатый уже не сторонится.
То ли еще передъ міромъ откроется?
Птичкой веселою радость окрылится:
Пусть даже злоба завистливо силится:
Тѣло на время лишь здѣсь упокоится.
Можетъ ли мгла озлобленная, темная,
Трепетъ сіянія скрыть предразсвѣтнаго?
Не удержать тебѣ, сила подземная,
Тѣла Христова возстанья побѣднаго!

Прот. Л. Туркевичъ.

—«О»—

Р Ѣ Ч Ъ,

*сказанная священникомъ Аллегенской церкви
Василіемъ Кувшиновымъ при погребеніи
священника о. Алексія Михайловскаго, предъ
пріемомъ «Кая житейская сладость».*

Преподобный отецъ Іоаннъ Дамаскинъ извѣстный и великій творецъ священныхъ пѣснопѣній церковныхъ, желая удержать чело-вѣчество отъ любви къ міру сему грѣховному и сладостямъ житейскимъ, написалъ высокоправдивую и поучительную пѣснь: «Кая житейская сладость пребываетъ печали непричастна? Кая ли слава стоитъ на землѣ непреложна? Вся сѣни немощнѣйша, вся соніи прелестнѣйша. Единымъ мгновеніемъ и сія вся смерть пріемлетъ. Но во свѣтѣ Христе лица Твоего и въ наслажденіи Твоея красоты, егоже избралъ еси упокой яко чело-вѣколюбецъ». И эта священная пѣснь какъ одна изъ самыхъ богатыхъ по содержанію легла въ чинъ погребенія не только мірянина, а и въ чинъ погребенія священника.

Нѣтъ на землѣ такого сладостнаго состоянія, которое бы не растворялось печалью: Богатство, славность рода, ученость, тѣлесная сила, здоровье и красота, все это не только по мнѣнію пѣснотворца Дамаскина, а по мнѣнію, я думаю, и здѣсь собравшихся христіанъ Православной Церкви, — все это слабѣе

тѣни и обманчивѣе сна, хотя ко всему этому мы по грѣховности и прилагаемъ свои сердца. Одно мгновенье и все разрушается. Для человѣка подошедшаго къ постели смерти, богатство уже неимѣетъ прелести; человѣкъ высокаго и славнаго рода подъ взмахъ смертной косы понимаетъ всю пустоту надежды на свое благородство; здоровый и сильный видитъ, что избытокъ силъ не сохранилъ и его отъ смерти; красивый сознаетъ, что красота его увядаетъ отъ дыханія смерти какъ роскошный цвѣтокъ отъ палящихъ солнечныхъ лучей; ученый уразумѣваетъ, что весь багажъ его познаній безжалостно отнимается смертію. И нѣтъ никому помогающаго. По словамъ церковныхъ пѣснопѣній умирающій очи къ ангеламъ возводитъ — бездѣльно молится; руки къ людямъ простираетъ, и нѣтъ помогающаго. И вотъ въ то такъ тяжелое и страшное мгновенье разлученія души такъ любящей тѣло, и тѣла такъ боящагося остается безъ души, мы слышимъ рѣшеніе своей Чадолубивой Матери Церкви Святой, голосу которой мы часто одни не внимали, а другіе даже можетъ быть его и презирали: «никто же самъ себѣ помощи можетъ, развѣ благая дѣла и общая вѣрныхъ молитва».

Насколько сладостно служеніе священника, которому удивляются вся силы небесныя, настолько же оно и печалью растворяется. Правда печаль эта часто бываетъ по Богѣ и такая печаль по слову Апостола «спасеніе содѣлываетъ», но организмъ тѣла не можетъ выдерживать долго частыхъ и быстрыхъ смѣнъ печалей и радостей, и потому священники въ большинствѣ случаевъ какъ свѣтильники ярко горящіе и свѣтящіе скоро догораютъ и угасаютъ.

Одѣваетъ священникъ крещающагося въ ризу нетлѣннѣя, радуется, что пріобрѣтаетъ новаго члена въ ограду Церкви Христовой, а боязнь за то какъ бы эта риза не была разодрана врагомъ рода человѣческаго и отрешившись отъ сатаны вновь бы не пошелъ къ не-

му на служеніе, загнѣздилась уже въ сердцѣ пастыря, и оно у него страхомъ мятется. Запечатлѣваетъ новокрещеннаго дарами Духа Святаго, чтобы онъ сохранился и утвердился въ вѣрѣ и радуется, что даетъ ему такъ Великую Силу, а въ умѣ уже проносится сознаніе, что какъ часто и какъ легко человѣкъ грѣху не умираетъ, Богови не живетъ, хотя и съ печатью Духа Святаго, а дѣла дьявольскія совершаетъ и не побѣдителемъ грѣха уже является, а измѣнникомъ Христу, — и щемитъ его душпастырское сердце. Когда же причащаетъ духовныхъ дѣтей своихъ, соединяетъ ихъ съ Христомъ Господомъ Богомъ, радуется и веселится сердце духовнаго отца такому великому торжеству единенія Бога и человѣка, но не надолго такая радость, ибо видитъ, какъ часто его духовныя дѣти отъ Тайной вечери идутъ по слѣдамъ проклятаго Іуды. Утѣшается въ тайнѣ исповѣди, когда видитъ человѣка со слезами кающагося, сокрушающагося о томъ блуднѣйшемъ невниманіи, что онъ чадю благодати сдѣлалъ изъ себя сосудъ мерзостей, плачетъ и душпастырь съ нимъ слезами радости, но какъ скоро эти слезы мѣняются и становятся слезами великаго горя и печали, потому что видитъ жестоковѣйность своихъ дѣтей духовныхъ, видитъ ихъ согрѣшенія, но ни Давидова, ни Манасіина покаянія они не оказываютъ; падаютъ семьдесятъ седмицею въ грѣхи, но не просятъ оставленія ихъ; каются въ преступленіяхъ и преслушаніяхъ заповѣдей Господнихъ, а по малѣ къ тому же, если еще не къ большому грѣху возвращаются. Но какая великая скорбь тѣснить сердце пастыря, когда онъ видитъ благословенную имъ для любви и мира чету супружества, живущую не жизнью Авраама и Сарры и неизобилующими на всякое дѣло благое. Поистинѣ сердце отца духовнаго обливается кровью когда домашняя церковь не имѣетъ того духовнаго облика какой ей данъ въ образѣ духовнаго союза Христа съ Церковью.

Итакъ вся жизнь пастыря переплетается горемъ и радостію, не только въ своей семейной, частной жизни, а наипаче въ жизни общественной, парохіальной. Съ радующимися долженъ онъ нелицемѣрно возрадоваться, съ печальными — искренно сокрушаться. Часто радость общественная вяжется съ печалью его семейной, и наоборотъ, и чѣмъ идеальнѣе пастырь, чѣмъ чувствительнѣе его сердце, тѣмъ скорѣе и быстрѣе оборвется его земная жизнь. Несетъ пастырь на своихъ плечахъ тяготу непосильную и часто падаетъ подъ нею, слезы часто проливаемыя имъ за людскія невѣжества кладутъ отпечатокъ на всю его жизнь; онъ служитель Христа Бога Живаго чувствуетъ всеѣмъ своимъ существомъ — діавола ходящаго, какъ льва рыкающаго и желающаго поглотить хотя одного изъ его паствы, нѣто заставляетъ его болѣть душею и тѣломъ, ночью и днемъ. И за такъ великіе труды Церковь награждаетъ cadaго пастыря, упавшаго на бороздѣ нивы Христовой, великою же и наградою: одѣваетъ его въ священныя ризы какъ бы жениха всей парохіи, даетъ ему въ руки св. Крестъ, яко знамя побѣды жизни надъ смертію и символъ будущаго Воскресенія, на груди его кладетъ св. Евангеліе, котораго онъ былъ проповѣдникомъ, лицо его покрываютъ воздухомъ со св. даровъ, свидѣтельствуя тѣмъ, что онъ былъ строитель Таинъ Божіихъ и охраняя его тѣмъ отъ всякаго грѣховнаго ока любопытнаго.

Нынѣ мы видимъ такъ украшеннаго Церковью собрата своего умершаго о. Алексія. Былъ онъ служителемъ безсмертныхъ Таинъ — и предался смерти. Помазаніемъ священнаго елея въ соединеніи съ молитвой, возставлялъ со одра болящихъ — самъ же лежитъ на одрѣ смерти, молитвами своими доставляя умершимъ облегченіе, теперь самъ нуждается во всемъ этомъ. Мы видимъ какъ нашъ Возлюбленнѣйшій Первосвятитель Церкви Американской, Высокопреосвященнѣйшій Пладыка Платонъ, возводя на небо очи, просилъ Бога Живаго объ упокоеніи ду-

ши новопреставленнаго раба Божія священноіерея Алексія въ мѣстѣ свѣтлѣ и злачнѣ. Вкупѣ съ Архипастыремъ молились и мы, пастыри и сотрудники его, къ нашимъ молитвамъ прилагалъ свои молитвы и народъ, что, въ соединеніи съ любовію къ почившему, несомнѣнно облегчить ему путь по мытарствамъ. Помолимся же, дорогая паства осиротѣвшая, еще и еще о вашемъ душпастырѣ, а нашемъ братѣ во Христѣ, да содѣлаетъ Господь Богъ гробъ сей ковчегомъ, на которомъ въ Бозѣ почившій іерей безпрепятственно переплыветъ отъ берега земнаго къ берегу небесному. Пусть гробъ сей превратится въ колесницу огненную пророка Іліи и восхититъ почившаго къ Свѣту Предвѣчному и да войдетъ чрезъ гробъ сей какъ бы по лѣстницѣ видѣнной Іаковомъ въ Святаѣ Святыхъ Царства Божія. «Боже Всесильный и Всеблагій! якоже на земли въ Церкви служителя раба Твоего Алексія поставилъ еси, тако и въ небесномъ Твоемъ жертвенницѣ покажи, Господи; понеже въ чловѣцѣхъ духовныхъ достоинствомъ сего украсилъ еси и во ангельскую славу неосужденно того приими».

Дорогой отецъ Алексій! Лежишь ты въ богатомъ гробѣ и спишь сномъ непробуднымъ. Никто уже не въ силахъ тебя разбудить кромѣ трубы Архангела. Сегодня въ третій день твоей смерти по вѣрованію Церкви Православной душа твоя должна воздать первое поклоненіе Господу Богу во св. Троицѣ Славному: поклонись и помолись тамъ и за бывшую твою паству Аллегенскую, которой ты былъ душпастыремъ, паству любящую тебя, вспоминающую о тебѣ и за тебя молящуюся. Не забудь и о мнѣ, яко наслѣдникъ и продолжателъ твоихъ дѣлъ пастырства въ Аллегени, гдѣ ты насаждалъ, а я поливаю; ты поливалъ — я возвращаю; ты возвращалъ, а я уже и плоды собираю; не забудь же и, простивъ мои прегрѣшенія противъ тебя, помолись, да подастъ мнѣ Господь, находящійся духъ Христовъ въ тебѣ, сугубъ во мнѣ.

Прими же отъ меня, дорогой отче, и люби-

мой паствы моей Аллегенской послѣднюю и высокую честь — земное поклоненіе и прощальный поцѣлуй какъ знакъ любви нашей къ тебѣ. Аминь.

— «о» —

Некрологъ.

На 37-мъ году окончилась жизнь славнаго миссіонера и добраго товарища о. Алексія Сильвестровича Михайловскаго. Покойный былъ уроженецъ Волинской губерніи. Будучи сыномъ псаломщика, онъ еще съ дѣтства закалялъ себя борьбою съ лишеніями и матеріальными недостатками. Господь наградила его крѣпкимъ здоровьемъ и въ здоровое тѣло вложилъ здравый разумъ. Покойный о. Алексій не щадилъ своего здоровья на полѣ житейской робы. Онъ началъ свою дѣятельность скромнымъ, но вмѣстѣ и труднымъ учительствомъ въ церковно-приходской школѣ села Андручи, Кременецкаго уѣзда, Волинской губерніи. Только одинъ годъ былъ онъ учителемъ (1899—1900). Высокопреосвященнѣйшій Модестъ, Архіепископъ Волинскій, скоро обратилъ вниманіе на труды молодого учителя и нашелъ его болѣе полезнымъ на нивѣ пастырскаго служенія и 15 іюля 1900 г. рукоположилъ его въ священника къ св. Параскѣевской церкви, села Бѣлева, Заславскаго уѣзда. Ревностно началъ воздѣлывать эту новую ниву своей дѣятельности молодой пастырь и черезъ три года (5 октября 1903 г.) за свои труды былъ награжденъ набедренникомъ. Черезъ два года (въ 1907 г.) онъ получилъ вторую награду, скуфью, и въ томъ же году 17 октября Высокопреосвященнѣйшимъ Платономъ, Архіепископомъ Алеутскимъ и Сѣверо-Американскимъ, былъ принятъ на службу въ С.-Американскую Миссію и назначенъ въ г. Аллегени. Въ слѣдующемъ 1908 году онъ былъ переведенъ въ Бендъ, Илл., а еще черезъ годъ (въ 1909 г.) въ Канемо, Па., гдѣ и служилъ до конца своей прежнеевременной кончины (10 марта, 10 час. вечера). За годъ до смерти (въ 1912 г.) онъ

былъ награжденъ камилавкой, въ которой и во гробъ пошелъ.

Торжественно совершилось погребеніе о. Алексія. И вспоминается мнѣ теперь далекая Уналашка. И тамъ тоже было погребеніе. Хоронили мы тамъ доблестнаго старца, протоіерея о. Николая Рысева. Но какая разница здѣсь и тамъ. 15 священнослужителей немедленно собрались вокругъ гроба о. Алексія. А въ Уналашку могли пріѣхать только два миссіонера — заслуженный и почтенный о. Петръ Кашеваровъ съ острова св. Георгія и не менѣе достоуважаемый священноіерей о. Іоаннъ Орловъ съ острова св. Павла.

Самъ дорогой нашъ Владыка, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ, возглавлялъ здѣсь сонмъ духовенства, а въ Уналашку могла придти только одна телеграмма Его Высокопреосвященства — «Погребеніе совершите и мнѣ доложите», — да и эта телеграмма получилась по почтѣ, мѣсяцъ спустя послѣ совершенія погребенія.

У гроба почившаго о. Алексія было сказано такое обиліе трогательныхъ поученій и умиленныхъ рѣчей, что даже не доставало времени выслушивать ихъ до конца, а у гроба протоіерея о. Николая Рысева было только два слабыхъ слова.

Но молитвы объ упокоеніи доблестнаго старца были одинаково горячи здѣсь и тамъ. Но слезы скорби и печали одинаково обильно лились, какъ здѣсь, такъ и въ далекой Уналашкѣ.

Послѣ совершенія погребенія всѣ собравшіеся миссіонеры удостоились милостивой бесѣды съ дорогимъ нашимъ Владыкою и для каждаго миссіонера нашлось у Владыки слово участія, утѣшенія, одобренія, или отеческаго замѣчанія. Эта бесѣда, не преувеличивая, была бесѣдою отца съ дѣтьми.

Вѣчная память, дорогой нашъ собратъ, о. Алексій!

Истъ полла эти деснота, Владыко святыи!

Помощникъ Благодѣянаго

свящ. А. Пантелеевъ.

Историческій очеркъ 300-лѣтней эпохи царствованія дома Романовыхъ и предшествующей эпохи смутнаго времени.

The calling of the Romanoffs, a Historical sketch.

By Reverend Sergius Snegireff.

(Окончаніе).

Преемники Петра Великаго не внесли желательныхъ улучшеній въ реформы Петра. Царствованія Екатерины I-й, Петра II, Анны Иоанновны и даже Елисаветы Петровны не сыграли въ судьбахъ Россіи какой либо выдающейся роли и не оставили въ народной памяти какого либо виднаго, благотѣльнаго слѣда. Правда, общій строй государственнаго механизма удерживается отчасти по инерціи, какъ направленный твердою Петровскою рукою, отчасти по неспособности правителей создать что-либо новое. Но происходитъ нѣкотораго рода наслоеніе въ центральныхъ органахъ въ видѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта, а затѣмъ Кабинета, старавшихся въ личныхъ интересахъ придворныхъ правителей ослабить вліяніе и значеніе Сената. Видимъ мы преобладаніе интересовъ дворянства, получающаго всевозможныя милости и льготы, благодаря тѣмъ услугамъ, которыя, въ лицѣ близко стоящей къ престолу дворянской гвардіи, оказываетъ дворянство тѣмъ или инымъ претендентамъ на царскую корону. Были годы полнаго владычества и господства иноземцевъ въ русскомъ государствѣ, когда все русское ненавидѣлось, подвергалось гоненію и преслѣдовалось, національное чувство подвергалось оскорбленію. Можно сказать, что это были какъ бы темныя пятна на свѣтломъ фонѣ послѣднихъ трехъ столѣтій русской исторіи.

Но уже съ Елисаветы Петровны мы видимъ поворотъ къ родному національному. Завѣты Великаго Петра выступаютъ снова

(Concluded).

The successors of Peter the Great added nothing desirable to his reforms. The reigns of Ecaterina I (his widow), Peter II (his grandson), Anna Ivanovna (his niece) and even of Elisaveta Petrovna (his daughter) played no important part in the progress of Russia and left no lasting impression on the popular memory. The general trend of the mechanism of the state, it is true, was preserved, but it was partly because of the great impetus the strong hand of Peter gave to it and partly because the succeeding monarchs were not able to create anything new.

Yet during this period a certain extraneous growth accumulated in the higher spheres in the shape of the *Supreme Secret Council* and later on a Secret Cabinet, which did all they could to weaken the influence and importance of the Senate, for the profit of the court. Nobility chiefly profited by such a state of things, gaining all kinds of favours and privileges, in exchange of the services the guardsmen who stood near to the throne were able to render to the various aspirers to the imperial crown. There were whole years during which foreigners ruled supreme in the governing spheres of Russia, when everything Russian was discredited and the national pride of the Russians was bitterly slighted. These few years were truly the dark spots on the bright course of the Russian history during the last three centuries.

на фонѣ русской жизни. И тотъ регрессъ, который начался было послѣ смерти Петра, снова смѣняется прогрессомъ. При Елизаветѣ Русское оружіе снова напомнило Европѣ о великихъ завѣтахъ Петра, что духъ великаго преобразователя живетъ въ его арміи, когда въ семѣлѣтнюю войну русскія войска опустошали Пруссію. Во внутренней жизни государства Елизаветинская эпоха отличается спокойнымъ развитіемъ всѣхъ сторонъ жизни, покровительствомъ всему національному — русскому. Россія обогащается такимъ великимъ разсадникомъ просвѣщенія, какъ Московскій университетъ съ гимназіями. Завѣты и начинанія Петра растутъ и крѣпнѣютъ. И если послѣ Петра въ высшемъ правительствѣ преобладали, а иногда чуть не сплошь наполняли иностранцы, то Елизавета Петровна, по выраженію нашего историка С. М. Соловьева, «подняла славное знамя отца своего и успокоила оскорбленное народное чувство яснымъ для всѣхъ стремленіемъ неуклонно слѣдовать главному и самому важному для народа правилу, — нисколько не ослабляя связей съ западною Европою, — давать первенствующее значеніе русскимъ людямъ, въ ихъ рукахъ держать судьбу государства». На тронѣ съ своимъ мягкимъ и добрымъ характеромъ эта религіозная государыня принесла кротость и миролюбіе, такъ прекрасно воспѣтое Ломоносовымъ.

Царствованіе Елизаветы Петровны (1741—1761 г.г.), послѣ непродолжительнаго—шестимѣсячнаго правленія Петра III (25 дек. 1761—28 іюля 1762 г.), при которомъ русскій націонализмъ вновь подвергся униженію, смѣняется блестящимъ вѣкомъ Екатерины II (1762—1796 г.).

Царствованіе Екатерины II составляетъ блестящую страницу русской исторіи. Тѣ успѣхи, которые достигнуты во внѣшней политикѣ и во внутреннемъ управленіи составляютъ какъ бы довершеніе дѣла Петра Великаго. Но если Петру приходилось вновь все начинать и вести, такъ сказать, черновую ра-

But the advent of Elisaveta Petrovna turned the current into the familiar national course. The traditions of Peter the Great came once more to the fore. And the retrogression which set in after this monarch's death had to give way before true progress. In the reign of Elisaveta, the Russian army once more reminded Europe of the great traditions and the spirit of Peter the Great during the War of Seven Years, fighting Prussia. The inner life of the country at that time proceeded quietly developing all its sides, the Empress always helping on everything that was truly Russian.

Russia acquired a great educational center in Moscow when the university and two higher schools were founded. Peter's wishes were being fulfilled in many directions. And if during the first sixteen years after his death the governing sphere of Russia was almost entirely filled with foreigners, his daughter Elisaveta Petrovna, in the words of the historian S. M. Solovioff, "raised the glorious flag of her father and calmed the offended national sense of Russians by the tendency, which was obvious to all, to follow unswervingly the chief and most important rule that Russians should be given the uppermost importance and that the guidance of the state should belong to Russian hands, without weakening, however, in the least the established connection with western Europe". This pious Empress brought to the throne of Russia great gentleness and love of peace, so ably sung by Lomonosoff.

The Empress Elisaveta Petrovna reigned from 1741 to 1761. She was followed by her nephew Peter III, who remained on the throne only six months but succeeded in this short time to humiliate the Russian nationalism to the limits of endurance. After him comes the brilliant rule of Ecaterina, or Catherine II.

The reign of Ecaterina II is truly a bril-

боту, то уже 50 л. послѣ него не прошли даромъ для Россіи. Привычки и взгляды измѣнились, нравы смягчились подѣ влияніемъ развивающагося просвѣщенія и правительству уже легче было приводить въ исполненіе свои планы. Во внутренней дѣятельности Екатерина II реформировала областное управленіе. Россія была раздѣлена на 50 губерній, въ губерніяхъ были установлены различныя учрежденія для завѣдыванія дѣлами, — каковы губернское правленіе, палаты: уголовная, гражданская, казенная, верхній земскій судъ, городской губернской магистратъ, совѣстный судъ, приказъ общественнаго призрѣнія и др. Въ уѣздныхъ городахъ, число которыхъ къ концу ея царствованія возросло до 1200, были — на подобіе губернскихъ — уѣздныя учрежденія, вѣдавшія разныя административныя, судебныя и др. дѣла. Были учреждены даже дворянская опека, сиротскій судъ. Вслѣдствіе этого центръ тяжести управленія былъ перенесенъ изъ Петровскихъ коллегій въ губерніи. Всѣ почти новыя учрежденія въ городахъ были сословныя. Преобладающее влияніе получило дворянство. Дворянству даровано было право самоуправленія, почти всѣ административныя должности какъ въ центральныхъ, такъ и въ мѣстныхъ областныхъ учрежденіяхъ были въ рукахъ дворянъ. Считаая просвѣщеніе не только полезнымъ, но и необходимымъ, Екатерина II заводитъ школы не только въ центрѣ, но даже и въ уѣздныхъ городахъ. Учреждаются воспитательные дома, женскіе институты и т. п. Промышленность, торговля развиваются. Внѣшнія границы Россіи расширяются приобрѣтеніемъ польскихъ провинцій съ Варшавою, на югѣ къ Россіи присоединенъ былъ Крымъ. Заботясь о заселеніи громадной русской территоріи Екатерина особенно усиливаетъ движеніе колонистовъ и цѣлыя степи на югѣ и востокѣ Россіи заселяются.

Несмотря на то, что Екатерина II не была русской по крови, что она была лишь случайной представительницей дома Романовыхъ,

liant page in the history of Russia. The prosperous condition reached by both foreign policy and interior growth in this monarch's reign were truly the consummation of what was begun by Peter the Great. The initiative and the hard work of preparing the ground had been his, but the fifty years which elapsed since his time were not in vain. Habits and points of view had changed, manners became gentler, and it was easier for the government to carry out its plans.

The government of the provinces was entirely rebuilt. Russia was divided into 50 governments, in which there were instituted the various necessary offices and officials. Each of these governments (*gubernia*) was divided into *ouiezds*, of which towards the end of Ecaterina's reign there were 1,200 and which on a smaller scale had all the offices their respective *gubernias* had, administrative, legal, judicial, etc. Almost all the new institutions in the provincial towns were based on the people's division into classes. The class of the landed nobility had the preponderant influence. The nobility were granted the right of selfgovernment and the greater part of government offices were occupied by members of that class, both in the central and the provincial institutions.

Considering education not merely useful but simply necessary, Ecaterina II founded schools in the chief towns of the *ouiezds* as well as in the more central localities. Houses for the education of waifs and orphans were opened; and the daughters of nobles were to receive their education in *institutes*, where they lived and were very carefully brought up. Industries and commerce progressed. The outward boundaries of Russia were widened by the acquisition of a part of Poland with Warsaw for its chief town and of Crimea in the South. Eager to populate the enormous stretches of the Russian territory,

ея правленіе и значеніе для Россіи громадны. Ея любовь къ Россіи, постоянная и упорная работа на благо Россіи, сознание своей обязанности стоять на стражѣ Русскихъ интересовъ, ея умѣніе выбирать и окружать себя даровитыми и дѣятельными сотрудниками создали изъ Россіи Европейское государство. И на рубежѣ XIX столѣтія, меньше чѣмъ черезъ 200 лѣтъ послѣ великихъ смутъ и разореній, Россія становится въ ряду міровыхъ державъ, тѣсными узами соединяется съ государствами, имѣвшими за собой многовѣковую культуру. И не даромъ продолжательница великихъ дѣлъ Петра Екатерина II получила эпитетъ «Великой». И Петръ I и Екатерина II — это великіе столпы русской государственности XVIII столѣтія.

Одна изъ лучшихъ характеристикъ Екатерины II выражена Апухтинымъ:

«Принцессою кочующей и бѣдной,
Какъ многія, явилася я къ вамъ,
И такъ же, жизнь моя могла пройти безъ
Но было иначе угодно небесамъ! [слѣдно,
На шаткія тогда ступени трона
Ступила я безтрепетной ногой,
И заблистала старая корона
Надъ новою, вамъ чуждой, головой.
Зато какъ высоко взлетѣлъ орелъ двуглавый
Какъ низко передъ нимъ склонились племена!
Какой немеркнуущею славой
Покрылись ваши знамена!
Съ дворянства моего оковы были сняты
Безъ пытокъ загремѣлъ святой глаголь суда,
Въ столицу Грознаго сзывались депутаты,
Изъ нѣдръ степей вставали города.

Мой пышный дворъ блисталъ на удивленье
Въ странѣ безлюдья и снѣговъ; [свѣту,
Но не былъ онъ похожъ на стертую монету,
На скопище безцвѣтное льстецовъ.

(Зато) и я могла свободно говорить
Въ эпоху дикихъ войнъ и казней хладнокровныхъ,

Ecaterina II took especial care of the Germans who were willing to colonize the grassy waste lands in the South and the East of European Russia.

Ecaterina II was not Russian by blood, but the importance of her rule proved enormous for Russia. Her true love of Russia, her constant unswerving labours for the good of Russia, the sense that it was her duty to stand guard over Russia's interests, her wonderful gift to surround herself with well chosen talented and active co-workers made of Russia a great European power. On the threshold of the XIXth century, not quite two hundred years after the terrible disorders and ruin of the interregnum before the Romanoffs, Russia stood with the Empires of the world, intimately affiliated with countries at whose back there stood a civilisation of many centuries. Ecaterina II, the continuator of the reforms of Peter the Great, well deserved to be called Great in her turn. Peter I and Ecaterina II are two great pillars of Russian statesmanship in the XVIIIth century.

Well spoke Apukhtine, one of the recent poets of Russia, concluding a poem, purporting to be a monologue of the great Emperor:

...“It is not amongst you that I first saw light,
But my works speak loudly for me before you:
I was more Russian
Than many of the Tsars, by blood related to you”.

The Emperor Pavel Petrovich, her son, (1796—1801) did not share her views. In his reign Russian soldiers showed a miraculous fortitude and bravery fighting the rising Napoleon in Italy and the perilous passes of Switzerland, under the chieftainship of the great Souvoroff. But in this as all his other undertakings the new monarch was not guided by the real interests and the good of Russia, as were the Great Peter and Ecaterina. Ideals of chivalry were

Что лучше десять оправдать виновныхъ
Чѣмъ одного невиннаго казнить,
И не было то слово буквой праздною!

Да, управлять подчасъ бывало не легко!
Но всюду—дома ли, въ Варшавѣ ли въ Ви-
зантіи

Я помнила лишь выгоды Россіи
И знамя то держала высоко.

Хоть не у васъ я свѣтъ увидѣла впервые,
Вамъ громко за меня твердятъ мои дѣла:

Я больше русская была,
Чѣмъ многіе цари, по крови вамъ родные!..»

Смѣнившій великую Екатерину сынъ ея — Павелъ Петровичъ (1796—1801 г.) не раздѣлялъ взглядовъ своей матери. Въ его правленіе русскія войска показали чудеса храбрости въ Италіи и Швейцаріи, а знаменитый Суворовъ Италійскій стяжалъ себѣ безсмертную славу своими военными успѣхами и быстрыми переходами. Но этотъ монархъ руководился не реальными интересами пользы Россіи, какъ Петръ I или Екатерина II, а принципами рыцарскихъ чувствъ, почему Россія и оказывается въ водоворотѣ чуждыхъ для нея Европейскихъ событій. И разные союзники охотно пользуются услугами русскаго войска, не заботясь не только о достойной благодарности, но наоборотъ стараясь ограничить предѣлы русскаго господства. Во внутреннемъ управленіи Павелъ I издаетъ законъ о престолонаслѣдіи. По закону Петра I Императоръ имѣлъ право назначать себѣ преемника, а Павелъ ограничилъ это прямымъ наслѣдованіемъ въ мужескомъ поколѣніи. Въ его царствованіе открыты С.-Петербургская и Казанская духовныя академіи, основанъ Дерптскій университетъ.

XIX столѣтіе въ русской исторіи начинается вступленіемъ на престолъ (12 марта 1801 г.) Александра I, сына Павла Петровича.

Воспитанный подъ ближайшимъ руководствомъ своей бабки Екатерины II, Императоръ Александръ Павловичъ не усвоилъ русскихъ началъ и основъ, не сроднился съ Рос-

adopted by him as the guiding principles of a monarch; and as the result of this Russia found itself in the very vortex of European events which had nothing to do with itself. The various crowned allies of Pavel I very willingly made use of the brave Russian army, caring nothing for showing they were adequately grateful, but quite the contrary doing all they could to put up limits to the dominion of Russia. Among the acts of Pavel's interior rule one of the chief is his law of succession. Peter the Great made it a law that the successor to the throne could be appointed by the dying monarch from amongst all his connections male and female, but Pavel I limited the right of inheritance to the nearest male blood relative: son, brother, uncle, cousin, and so on. In his reign were founded the clerical Academies in St. Petersburg and Kazan, and a university in Doprát.

The eldest son of Pavel Petrovich, Alexandre I begins in Russia the XIXth century by ascending its throne. Though brought up under the close supervision of Ecaterina the Great, his grandmother, Alexandre Pavlovich somehow failed to assimilate Russian ideals, Russian history and the spirit of the Russian people, as it was the wish of his grandmother that he should do. But Laharpe, his foreign tutor, filled him at an early age with an enthusiastic admiration for the ideas of Voltaire and Rousseau, of the French Encyclopedists and the English thinkers.

Having ascended the throne, the young Russian Emperor showed himself a dreamer, who planned the widest reforms on the most liberal foundation. His father Pavel I hated the revolutionary movements of the western countries and the new French ideas and, being a believer in the strictest discipline, he introduced a good many restrictions into the statesmanship of Russia; but there never passed a day that Alexandre

сіей, ея исторіей и духомъ своего народа, какъ того желала Екатерина II, а благодаря воспитателю иностранцу Лагарпу вполне усвоилъ и увлекся идеями Вольтера, Руссо-французскихъ энциклопедистовъ и англійскихъ мыслителей.

И вступивши на престолъ онъ мечтаетъ о широкихъ преобразованіяхъ на самыхъ либеральныхъ началахъ. Если его отецъ ненавидѣлъ революціонныя движенія Запада и французскія идеи, и какъ поклонникъ строгой дисциплины ввелъ многія ограниченія въ госуадрствѣ, то сынъ его Александръ I съ каждымъ днемъ отмѣнялъ суровыя мѣры и строгости отца.

Сенатъ снова получаетъ свои права высшаго законодательнаго и судебного учрежденія, вмѣсто временныхъ совѣщаній для рѣшенія главнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ учреждается Государственный Совѣтъ, Петровскія коллегіи, еще со временъ введенія губернскихъ учреждений при Екатеринѣ II требовавшія реформы, теперь преобразовываются въ министерства съ подраздѣленіемъ на департаменты. Разрѣшено было даже отпускать крестьянъ на волю за извѣстный выкупъ. Шире и глубже разливается просвѣщеніе. Открываются новые университеты въ Казани, Харьковѣ, Петербургѣ. Начальныя училища, основанныя Екатериной II, теперь шире насаждаются, заводятся по селамъ приходскія школы, поручаемыя духовенству, по городамъ уѣздныя училища, а въ губерніяхъ — гимназіи. Утверждаются уставы духовныхъ академій, семинарій и училищъ. Основываются педагогическіе институты, Царско-сельскій лицей, институты лѣсной, инженеровъ путей сообщенія, медико-хирургическая академія, женскій институтъ патріотическаго общества. Даже частныя лица дѣлаютъ громадныя пожертвованія на дѣло просвѣщенія. — Богачъ Демидовъ жертвуетъ болѣе милліона на устройство въ Ярославлѣ лицея, который и называется Демидовскимъ, въ Нѣжинѣ (Черниговской губ.) графъ Безбород-

I did not counterorder some of the harsh measures and restrictions of his father. The legislative and judicial rights were restored to the Senate. The temporary committees for the decision of the most important questions of state were changed into the Imperial Council of State. The *Collegiums* of Peter's time were transformed into the various ministries, with subdivisions into departments. The freedom of a serf could be obtained by a new law, for a certain ransom. Education reached both wider and deeper than formerly. New universities were founded in Kazan, Kharkoff and St. Petersburg. The elementary schools started by Ecaterina II were opened everywhere, even in remote villages. The clergy were called to teach in parish schools... Private people donated enormous sums of money for educational purposes... Russian literature was enriched by authors whose names since have become immortal. The excessive admiration for the ideas of republican France became so widely spread that it aroused opposition. The national and historical peculiarities of the Russian monarchy found an eager advocate in the great historian of Russia N.M. Karamsin. When travelling in France, in 1790, in the days when Ecaterina the Great was still living, young Karamsin wrote from Paris: "The merely national is nothing before that which is human. It is more important to be human beings than to be Slavs. That which is good for human beings can not be bad for Russians. And that, which was invented by Englishmen or Germans for the use of men, is mine, because I am a man!" But as time went, he changed his mind and having undertaken in 1803 to write the history of Russia, he received a chance to express his opinions to the Emperor Alexandre I, and this is how he spoke: "The spirit of the nation is the moral might of the country; this spirit saved Russia more than once... It is identical with respecting one's national dignity...

ко жертвуетъ капиталъ и землю на учрежденіе лицей. Литература наша обогащается безсмертными именами Пушкина, Грибоедова, Крылова. Широкой волной влившееся въ Россію западничество и чрезмѣрное увлеченіе передовыми французскими республиканскими идеями, возбудило у насъ борьбу и вызвало защиту національно-историческихъ особенностей Русскаго государства. Особенно яркимъ выразителемъ этого является у насъ Н. М. Карамзинъ. Если при Екатеринѣ въ 1790 г. онъ писалъ изъ Парижа: «Все народное — ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. — Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ, и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы людей, то — мое, ибо я — человѣкъ», — то, увидавши всю ложь революціоннаго движенія, онъ осудилъ его. А занявшись русской исторіей уже въ 1802 г. онъ пишетъ статьи русскаго національнаго направленія, въ 1803 г. принимается за исторію государства Россійскаго, достигаетъ возможности изложить Государю Александру I свои воззрѣнія, представляетъ ему свою «записку о древней и новой Россіи», направленную противъ реформъ, гдѣ говоритъ: «Духъ народа составляетъ нравственное могущество государства. Сей духъ спасалъ Россію... Онъ есть не что иное, какъ уваженіе къ своему народному достоинству. Любовь къ отечеству питается народными особенностями. Государство можетъ заимствовать отъ другого разныя полезныя свѣдѣнія, не слѣдуя ему въ обычаяхъ». Основная мысль всей «исторіи» и «записокъ» та, что Россія основывалась единовластіемъ; гибла отъ разновластія и спасалась мудрымъ самодержавіемъ. «Исторія есть священная книга народовъ, главная, необходимая, зеркало бытія ихъ и дѣятельности, скрижаль откровеній и правилъ, завѣтъ предковъ потомству, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго».

И эти идеи имѣли громадное вліяніе на Императора и способствовали измѣненію напри-

Love of one's country is fed by national peculiarities... One polity may borrow from the other various useful informations, without imitating its customs". Karamsin's basic idea was that divided power always proved fatal for Russia and that its salvation lay in wise autocratic rule.

These ideas greatly influenced the Emperor and contributed toward his changing the tendencies of his rule, bringing once more to the front the national principle of patriotism.

A brilliant and perfectly unprecedented manifestation of this very national sense was the fight of the Russian people against the invading Napoleon in 1812, — the Patriotic War.

The peaceloving Emperor of Russia did not want any war, doing all he could to preserve peace. But Napoleon, blinded by victories and renown, wanted to conquer Russia and to own it... And neither Alexandre I, nor the nation could possibly submit to the grasping ideas of the Emperor of the French; especially in sight of the fresh victories of the Russian armies, both in the North and the South, with the result of both Finland and Bessarabia having been annexed. When it became apparent that war with the French was inevitable, Alexander I said to the envoy of Napoleon: "I shall not begin the war, but neither shall I lay down the arms as long as a single enemy remains in Russia".

Alexandre I forgot his admiration for the ideas of the west; he was penetrated all through by the truly national Russian spirit, finding in it a great power. The Tsar went out to his people. Knowing well he was right, he trusted to the help of God and called the people to defend their country. In his mind there arose the memories of 1612, when Russia was near its ruin, but was saved by the volunteer militia taking up the arms. In the manifesto he sent out July 6, 1812, he said:

вленія царствованія, выдвинувъ на первый планъ національное начало — патриотизмъ.

Яркое и еще небывалое проявленіе и развитіе этого національнаго чувства представляет одна изъ блестящихъ страницъ XIX-столѣтія русской исторіи — Отечественная война 1812 г.

Миролюбивый и нежелавшій войны Русскій Императоръ всѣми силами старался сохранить миръ. Но ослѣпленный побѣдами и славою Наполеонъ желалъ властвовать Россіей, подчинить ее себѣ. Могущество и слава Наполеона не мирились съ самостоятельной, независимой восточной державой — Россіей, а Русскій царь и народъ не хотѣли признать иноземнаго владычества. Да и какъ можно было признать это, когда Русскія войска покорили шведовъ и Финляндія была присоединена къ Россіи; Русскія войска только что побѣдили турокъ, результатомъ чего было присоединеніе Бессарабіи къ Россіи. И когда теперь война съ французами стала неизбежна, Александръ I рѣшилъ вести лишь оборонительную войну. «Я не начну войны, — говорилъ онъ посланному Наполеона, — но не положу оружія, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ будетъ оставаться въ Россіи». Въ Императорѣ уже созрѣвала рѣшимость вести упорную борьбу съ Наполеономъ. Сознавая свою правоту, съ вѣрой въ помощь Божию, Государь объявлялъ народу и призывалъ его на защиту отечества. Теперь Александръ I, забывъ и оставивъ свое увлеченіе западомъ и его идеями, весь отдался и проникся русскимъ національнымъ духомъ и въ немъ нашелъ великія силы. Царь шелъ къ своему народу. Въ его воспоминаніяхъ воскресъ 1612 г., когда Русь погибала, но была спасена народными ополченіями. И теперь Государь призывалъ народъ въ своемъ знаменитомъ манифестѣ 6 іюля 1812 г.: «Да встрѣтитъ врагъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ — Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина... Соединитесь всѣ съ крестомъ въ сердцахъ и оружіемъ въ рукахъ,

“Let the enemy meet in every noble a Pojarsky, in every ecclesiastic a Palitzin and in every citizen a Minin... Unite all, a cross in your hearts and a weapon in your hands, and no human powers shall prevail against you”.

The powerful impression left on the nation by this manifesto was well demonstrated by the example of Moscow... When it became known that the Tsar was coming to Moscow, great crowds of people walked many miles to see him arrive, so that part of the way he moved slowly in the midst of pedestrians. July 12 the people filled the Kremlin at day-break and the moment they saw Alexandre I the acclamation of the people arose so loud that the bells of the many churches could be hardly heard. A very old man knelt before the Tsar and kissing the hem of his cloak spoke on behalf of the crowd: “Have no fear, our liege... Lead us, whenever you think best, our own beloved father, we will give you our all: we will die or else we will win”.

Both the nobility and the commercial people collected among themselves millions for the expenses of the war. Moscow showed itself as devoted to the fatherland and the monarch as in the olden days, before the changes wrought by Peter, when Russians were ready for any sacrifice for their country.

In the meantime, the Russian army, which was much smaller than the army of Napoleon, was gradually retreating towards Moscow, leading the French on to follow it into the heart of the country, without any decisive battle. Until, on August 26, 1812, Koutousoff, the chief of the Russian army, judged it was time to fight the enemy on the field of Borodino. The dismantled and deserted Moscow was sacrificed that the rest of the country might be saved. The French took possession of it, but did not keep it long. There was no food to be found in the deserted city, no supplies of any kind. October 11, the French were forced by hunger to

и никакія человѣческія силы васъ не одолѣють». О томъ, какое сильное впечатлѣніе произвелъ манифестъ на народъ, какой глубокой патріотическій подъемъ онъ выдвѣлъ въ народъ, всего лучше свидѣлствуетъ Москва. Когда 11 іюля послѣ обнародованія манифеста здѣсь узнали, что Государь ѣдетъ въ Москву, и что онъ уже близко, народъ пошелъ на встрѣчу своему царю. На 15 верстъ за Москву тянулись густыя толпы народа, встрѣчавшія Государя, и онъ медленно двигался съ народомъ. А 12 іюля съ разсвѣтомъ Кремль былъ полонъ народа, и когда Государь показался, «ура» заглушало звонъ колоколовъ. Простой народъ на колѣняхъ стоялъ и плакалъ, цѣлуя одежду Государя, а простой старикъ говорилъ ему: «Не унывай, Государь... Веди насъ, куда знаешь, отецъ нашъ родимый! Все отдадимъ тебѣ. Всѣ умремъ или побѣдимъ»... И дворянство и купечество собираютъ милліоны на войну. Москва проявила безграничную любовь къ царю и отечеству, явилась старая до-Петровская Русь, готовая на всѣ жертвы для спасенія отечества.

А русская армія, много меньшая Наполеоновской, отступала въ глубь отечества — къ Москвѣ, завлекая непріятеля. И на Бородинскихъ поляхъ, 26 августа 1812 г., Кутузовъ далъ знаменитый Бородинской бой, воспѣтый Лермонтовымъ. Въ жертву для спасенія арміи была принесена даже Москва, которая пустой и разоренной была отдана французамъ. Но не долго владѣли французы Москвой. Не было провіанта и невозможно было дальше жить. 11 октября они оставили Москву, помышляя не о побѣдѣ уже, а о томъ какъ бы вернуться въ свое отечество. И вотъ теперь то и началась народная война, когда крестьяне всюду нападали и тревожили французовъ. Въ довершеніе бѣдъ начались холода и морозы. Русская армія преслѣдовала и уничтожала голодавшую и таявшую великую армію, и къ 25 декабря французы оставили Россію. Съ тѣхъ поръ ровно цѣлое столѣтіе Россія благодарной молитвой вспоминаетъ это великое со-

leave the ancient capital; they abandoned all thought of conquest by then, all their hope being that they might safely return to their own country. By this time the whole nation turned to fighting the retreating exhausted French; weaponless, untrained peasantry, even women fought and captured them. But the worst calamity of all for the unprepared French was an exceptionally severe winter. Starvation and frost did more to reduce the soldiers of Napoleon than even the Russian army which pursued them, until towards the end of December no Frenchman remained in Russia. Since then Russia comemorates this event by a prayer of thanksgiving on Christmas day.

Emboldened by success, the Emperor Alexandre Pavlovich continued the war with Napoleon; he crossed the frontier in 1813, and entered Paris, March 19, 1814, as a conqueror... On his coming home after this exploit, his grateful country offered him a new title to be afixed to his name and ever since he became Alexandre the *Blessed*.

History fully appreciated the importance of Alexandre's achievements. It acknowledged at an early date, that guided by this Emperor's will Russia preserved the "peace and honour" for Europe at the expense of its own growth and prosperity... No shame attaches to the history of Russia of that period as the painful page describing Napoleon in the flames of deserted Moscow is immediately followed by the page which records the entrance of the Russian Emperor Alexandre the Blessed at the head of his army into Paris, which eagerly greeted its conqueror. Following their Emperor into the capital of France, Russian soldiers humorously said: "Father Paris had to pay for Mother Moscow".

Alexandre I died childless November 19, 1825. His brother Constantin Pavlovich was to succeed him on the throne, but already in the life time of Alexandre, Constantin

бытіе въ день Рождества Христова.

А увлеченный успѣхами Александръ I продолжаетъ войну, переходитъ границу въ 1813 г., а 19 марта 1814 г. вступаетъ какъ завоеватель въ Парижъ... И Русскій Императоръ становится повелителемъ той Европы, предъ которой 200 лѣтъ назадъ предки его преклонялись. Благодарная Россія поднесла возвратившемуся побѣдителю наименованіе «Благословеннаго»... Значеній этихъ великихъ дѣяній Александра Благословеннаго достойно оцѣнено исторіей. Въ ущербъ внутреннему развитію и мирному благоденствію, Россія спасаетъ «миръ и честь» Европы. Не побѣдимый, гордый властитель Европы былъ побѣжденъ. «Если Европейскій континентъ, — писалъ тогда англійскій дипломатъ, — былъ проклятъ въ Наполеонѣ, то онъ получилъ благословеніе въ Александрѣ, — этомъ освободителѣ человѣчества». Русскій человѣкъ безъ стыда можетъ открыть славную книгу своей исторіи, такъ какъ за тяжелой страницей, изображающей Наполеона среди пустой пылающей Москвы, слѣдуетъ славная страница, изображающая Русскаго Императора среди покореннаго, восторженно привѣтствующаго Парижа. «Пришлось батюшкѣ Парижу расплатиться за матушку Москву» — говорили русскіе солдаты, вступая въ Парижъ.

Послѣ смерти бездѣтнаго Александра Благословеннаго (19 ноября 1825 г.) престолонаслѣдникомъ являлся братъ его Константинъ Павловичъ. Но онъ еще при жизни Императора и съ его согласія отказался отъ престола въ пользу брата своего Николая Павловича, что и подтвердилъ теперь оффиціально и присягнулъ брату — Николаю Павловичу — какъ Императору. Еще при Александрѣ I въ Россіи, подъ вліяніемъ увлеченія Западомъ, образовались тайныя общества, стремившіяся измѣнить правленіе. И теперь они воспользовались, чтобы произвести волненіе, извѣстное подъ названіемъ бунта Декабристовъ. Но новый императоръ Николай Павло-

renounced the inheritance for the benefit of their younger brother Nicolai Pavlovich, to whom Constantin swore allegiance immediately on Alexandre's death.

With this incident for a pretext, some secret societies, which had been in existence for some time, attempted to introduce some radical changes in the government of Russia. But the new Emperor Nicolai Pavlovich restored peace and order in the capital, showing great personal courage and presence of mind.

A war with Persia, begun immediately after Nicolai I ascended the throne, was successfully conducted by general Paskevich and ended by the annexation of the dominions of the Khans of Erivan and Nakhichevan, south of the Caucasian mountains. A war with Turkey for the independence of Greece and the safety of the Christians of the east whom the Turks persecuted, ended by a peace treaty of Adrianople. The Polish revolt of 1831 was successfully crushed and ended in the abolition of the independent army of Poland. The Russian army of Siberia built fortifications on the river Ser-Darya to protect the eastern frontiers. And thus the nomadic tribes of Asia, whom during centuries Russia prevented from swamping western Europe by withstanding the brunt of their onslaught alone and unaided, were finally subdued by the Russian army, and the beginning of culture and civilized statesmanship were introduced among them.

As a child, the Emperor Nicolai I passed through a severe schooling, in which military discipline was upermost, and all this left its impress on his character. Almost at the moment of his accession to the throne he found himself forced to discourage every liberal tendency of his brother Alexandre's reign, and though he succeeded in crushing the revolt of 1825, it left in him a tendency of reactionary harshness, which marked all

вичъ своимъ личнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ, съ какимъ онъ принималъ непосредственное участіе въ усмирении мятежниковъ, собравшихся на сенатской площади, произвелъ сильное впечатлѣніе и удивленіе. По его приказу войска усмирили мятежниковъ и они разбѣжались.

Начавшаяся вслѣдъ за воцареніемъ Николая I война съ Персіей закончилась присоединеніемъ Эриванскаго и Нахичеванскаго ханствъ Паскевичемъ Ериванскимъ. Война съ Турціей за независимость Греціи и противъ турецкихъ притѣсненій восточныхъ христіанъ окончилась Адрианопольскимъ миромъ. Польское возстаніе въ 1831 г. было подавлено и самостоятельное польское войско было уничтожено. Русскія войска въ Сибири устраируютъ укрѣпленія на берегахъ Сыр-Дарьи, дабы защитить свои восточныя границы. Дикимъ кочевникамъ Азіи та же Россія, которая, можно сказать, своею грудью защитила отъ этихъ полчищъ Европу, теперь наноситъ окончательный ударъ и несетъ въ глубь Азіи начала культурной осѣдлости и государственности. Суровая школа воспитанія, съ преобладаніемъ воинской дисциплины, наложила свою печать на Николая Павловича. Уже при вступленіи на престолъ, принужденный ликвидировать проявленіе либеральныхъ тенденцій Александровской эпохи — этотъ заговоръ Декабристовъ, Николай I въ жизнь государства вноситъ суровое реакціонное начало, отличающее все его царствованіе. Еще живъ въ народной памяти «Николаевскій» солдатъ съ его дисциплиной.

Правда, Государь не былъ противникомъ реформъ и улучшеній, но опасался какъ бы строй государственный не поколебался. Онъ даже принципиально допускалъ раскрѣпощеніе крестьянъ, почему этотъ вопросъ обсуждается въ секретныхъ комитетахъ. Во внутреннемъ управленіи мы видимъ его непосредственное участіе въ законодательныхъ работахъ. Подъ непосредственнымъ его руководствомъ издано «полное собраніе законовъ

his reign. The memory of the people still preserves the image of the “soldier of Nicolai’s time and his discipline”.

For the sake of truth it must be stated, that the Emperor Nicolai Pavlovich was not against reforms and ameliorations, but he was afraid to disturb the existing order. In principle, he wished to free the serfs and had this question discussed by secret committees. He took a personal part in all the more important affairs of the state. In 1830 and 1833 were published under the Emperor’s immediate guidance the “Complete code of the laws of the Russian Empire”, and another law book with a table of governmental and judicial affairs. Under him education received proper care. A university was founded in Kieff, instead of those in Warsaw and Vilna, which were abolished at the time of the Polish revolt. In St. Petersburg many places of learning were founded, for the study of military sciences, jurisprudence and technology. The education of future army officers received special attention, and many schools for cadets were opened. Also, the first railway was built in Russia, between St. Petersburg and Moscow, by order of this Emperor.

But for all the strenuous labours of the Emperor, the regime on which he insisted proved altogether inadequate. With its barren official red tape and the entire lack of inflowing vital social forces, it had some superficial glitter but was an entire failure. The Crimean war showed up the many shameful and sore spots of the retrograde regime.

The defense of Sebastopol made many names immortal for self sacrificing endurance and courage. If the Russians suffered a good deal at the hands of the allied troops (English, French, and Turkish) — the same Russian soldiers who only 40 years ago were acknowledged by the unanimous acclamation of the western nations to have preserved

Россійской Имперіи» (1830 г.) и «Сводъ законовъ» дѣйствующихъ (1833 г.) съ распределеніемъ по предметамъ дѣлъ правительственныхъ и судебныхъ. Мы видимъ его заботы о просвѣщеніи. Открытъ былъ Кіевскій университетъ, взамѣнъ Варшавскаго и Виленскаго уничтоженныхъ послѣ Польскаго возстанія. Открыты были военная академія, училище Правовѣрія, Технологическій Институтъ. Особенное вниманіе удѣляется военнымъ учебнымъ заведеніямъ, — открываются кадетскіе корпуса. Между Москвой и Петербургомъ сооружается знаменитая Николаевская желѣзная дорога — первая въ Россіи.

Но при всей своей напряженной работѣ, Николай I своимъ правленіемъ показалъ несостоятельность того режима, который господствовалъ. Сухой, казенный, лишенный притока жизненныхъ, общественныхъ силъ страны, приказный строй, только внѣшней показной стороной блестящій, оказался совершенно негоднымъ. Вся отсталость, всё язви его обнаружили въ Крымскую кампанію. Оборона Севастополя въ эту Крымскую войну (1853—1856 г.) — это страница великихъ вѣзмѣрныхъ народныхъ героевъ. Если совнѣ русскія войска страдали отъ поражений союзниковъ той неблагодарной Европы, которой эти же войска только 40 лѣтъ тому назадъ спасали «честь и миръ», то едва ли недостатковъ, неорганизованности, безпомощности, тщательно скрывааемыхъ не только отъ Монарха, но и отъ общества. Достаточно вспомнить то, что рассказывалъ про армію и Севастополь самому Государю великій русскій докторъ Н. И. Пироговъ, открывшій Монарху глаза.

Но не пережилъ этой войны государь Николай Павловичъ. 19 февраля 1855 г, вступилъ на престолъ сынъ его Александръ II. Прекрасно образованный, добрый, отзывчивый онъ достаточно былъ подготовленъ къ той отвѣтственной исторической роли, какая его ожидала.

their “honour and peace”, — it is most likely that they suffered still more from the various interior defects and disorders, from the lack of organisation, from inefficiency, etc., which were carefully concealed from the Emperor as well as from the public.

It is sufficient to recall how the eyes of the Russian monarch were at last opened by the frank narratives of the great man of learning and physician Nicolai Ivanovich Pirogoff concerning the conditions of the army in Sebastopol.

The Crimean war lasted 1853—1856, but the Emperor Nicolai Pavlovich did not live through its bitter shames and sorrows. On February 19, 1855, his son Alexandre II became the Emperor of Russia. He was a highly educated man; and moreover extremely kind and sensitive he was well qualified to meet the demands of the great historical responsibility, which was awaiting him.

The costly war in Crimea had drained the resources of Russia, and demanded terrific sacrifices from the nation, military, political and social... Soon after the fall of Sebastopol, which came on August 27, 1855, Alexandre II signed the peace treaty. The following is a quotation from the manifesto which was issued in 1856 after the signing of the peace: “With the help of heavenly Providence, which always showed mercy to Russia, let its interior prosperity for ever grow stronger and more perfect; let truth and mercy reign in its courts of justice; let the aspiration for enlightenment and all useful activity increase everywhere, with renewed power; and let everyone enjoy in peace the fruit of blameless labour, under the shelter of law, equally just for all and protecting all”.

After the severity of Nicolai’s regime it is easy to imagine the profound impression this manifesto made on Russians of all classes. The manifesto, issued on the occasion of Alexandre’s coronation, abundantly

Тяжелая война истощила средства Россіи, требовала огромныхъ жертвъ народныхъ; въ военномъ, политическомъ и общественномъ отношеніяхъ Россія находилась въ критическомъ положеніи. И Александръ II, послѣ паденія Севастополя (27 августа 1855 г.), заключилъ миръ. — «При помощи Небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новой силой стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый подѣ сънью законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ». — Это, такъ сказать, программа наставшаго царствованія выраженная въ манифестѣ 1856 г. послѣ заключенія мира. Нетрудно представить то впечатлѣніе, какое произвело это послѣ Николаевской эпохи. А въ томъ же 1856 г. 26 августа по случаю коронованія изданный манифестъ, полный льготъ и милостей, пестрилъ словами «отмѣнить, простить, возвратить». И начинается «эпоха великихъ реформъ», которыхъ давно уже ждала Россія и для которыхъ уже созрѣвала.

Краеугольнымъ камнемъ этой эпохи является освобожденіе крестьянъ, когда манифестомъ 19 февраля 1861 г. дарована была свобода 22 милліонамъ крестьянскаго населенія. «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго» — такъ кончался знаменитый манифестъ. И въ то время какъ въ Соединенныхъ Штатахъ отмѣна невольничества сопровождалась страшными междоусобицами, была куплена потоками крови, въ Россіи это свершилось силою зрѣлаго и разумно исполненнаго законодательнаго акта.

Черезъ годъ идетъ отмѣна тѣлесныхъ наказаній и позорнаго клейменія преступниковъ.

granted exemptions from taxes and gifts, and was dazzling with such words as “to be cancelled”, “to be forgiven”, “to be recalled”, etc. Thus began the epoch of the great reforms, for which Russia was growing ripe and which it eagerly awaited.

The freeing of the serfs was the corner stone of this epoch: February 19, 1861, liberty was granted to 22,000,000 peasants. The manifesto which proclaimed this said in conclusion: “...Orthodox people, call with us the blessing of God on thy free labour, the pledge of thy home prosperity and thy public weal”.

Whereas in the United States of America the emancipation of slaves a little later was preceded and accompanied by great intestine fighting and was gained by much bloodshed, in Russia the achievement came as the result of a legislative action which was carefully brought to ripeness and wisely carried out.

Next year followed the abolition of the corporal punishment and of the branding of criminals. In 1864 the law courts were granted a new Statute, introducing the public legal procedure, which insured “a speedy, upright and merciful justice, equal for all subjects”. The same year saw great reforms in the local government of provinces, and in 1870 new city Statutes were issued, according to which all the economical administration in the rural districts was entrusted into the hands of the local representatives of the population, and in towns—into the hands of elected citizens. Military service of 6—7 years (instead of the 25 of the Emperor Nicolai’s time) became obligatory for all classes in the same way. A great many economical improvements for the general well-fare of the country were undertaken, and Russian territory was covered with a network of railways more than 20,000 versts in length. Public instruction advanced in leaps and bounds, teachers’ colleges, schools for

Въ слѣдующемъ 1864 г. вводятся судебные уставы — даруется Россіи гласный судъ «скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ». Въ томъ же году даруется земская реформа, а въ 1870 г. городое положеніе, гдѣ вся мѣстная экономическая и хозяйственная жизнь вѣряется мѣстнымъ представителямъ населенія, а въ городахъ — выборнымъ гражданамъ. Вводится всеобщая воинская повинность, которая сокращаетъ службу до 6 и 7 вмѣсто 25 лѣтъ Николаевской эпохи. Предпринимается цѣлый рядъ мѣръ для улучшенія экономическаго благосостоянія государства, Россія покрывается сѣтью желѣзныхъ дорогъ, составляющихъ свыше 20,000 верстъ. Просвѣщеніе дѣлаетъ небывалый скачекъ — заводятся учительскія семинаріи для подготовки учителей начальныхъ школъ, число гимназій съ 80 возрастаетъ до 280, открываются новые университеты въ Одессѣ, Варшавѣ; женское образованіе быстро растетъ: — впервые открываются женскія гимназіи, число которыхъ быстро увеличивается, даже открываются высшіе женскіе педагогическіе и медицинскіе курсы. Такимъ образомъ, вся внутренняя жизнь страны радикально измѣняется. И все совершается подъ личнымъ просвѣщеннымъ руководствомъ Монарха. Новыя формы просвѣщеннаго быта наполняются живымъ содержаніемъ: общество на мѣстахъ даетъ лучшія силы въ новыя учрежденія. Совершается переломъ въ русской исторіи. Крѣпостное общество какимъ-то чудомъ становится свободнымъ и разомъ пріобрѣтаетъ всѣ условія образованнаго быта.

Къ этому надо еще добавить, что внѣшнія границы Монархіи расширяются въ глубь Сибири — Средней Азіи и доходятъ до береговъ Тихаго океана — присоединеніемъ лѣваго берега Амура, Уссурийскаго края, завоеваніемъ Туркестана, окончательнымъ покореніемъ Кавказа. И какъ вѣнецъ всѣхъ дѣяній Александра II была освободительная война съ турками за свободу братьевъ Сла-

boys (there were 280 instead of 80), universities were opened in many places. The education of women also progressed speedily; the number of gymnasiums *) for girls quickly increased; teachers' college and medical courses were also opened for women. The whole life of the country was radically changed, and all the changes were accomplished under the personal enlightened guidance of the monarch...

The exterior boundaries of the country were greatly widened, in the heart of Siberia, reaching as far as the Pacific coast, through the acquisition of the left shore of the river Amour, in Central Asia, in Turkestan and the Transcaucasian provinces, through the final pacification of the wild mountain tribes. And to crown the achievements of Alexandre II his war with the Turks (1877—1878) for the liberation of the Balkan Slavs.

The name of the Tsar-Liberator, who accomplished the greatest of all legislative achievements, is immortal. This was sufficiently demonstrated two years ago, when, on the occasion of the 50th anniversary of the granting of freedom to the serfs, the peasantry of thousands of villages raised memorials in token of gratitude to the unprecedented achievements of the Great Monarch Liberator.

Yet the most precious life of the Tsar-Liberator was abruptly terminated in a most tragic way. The greatest of crimes was committed in St. Petersburg, March 1, 1881. The Emperor was assassinated. From end to end of its enormous territory Russia went into mourning: it came to an abrupt stop on the wide road to progress, traced for it by the Monarch who so tragically perished.

His successor was Alexandre III. Assum-

*) **Gymnasium** in Russia does not mean a hall for athletic exercise, but an educational institution for either sex more or less corresponding to the High School of America.—Vera Johnston, translator.

вянь.

Имя царя — Освободителя, свершившаго величайшій законодательный актъ, безсмертно. А то, что недалеко какъ два года назадъ, въ день 50-лѣтней годовщины 19 февр. — этого великаго акта — дарованія «воли народу», переживала Россія, когда въ сотняхъ селъ и мѣстечекъ на Руси Святой крестьянскія общества ставили и открывали памятники «Царю - Освободителю», — свидѣтельствуешь, что потомство помнить великія дѣла, и благословляетъ неподражаемаго великаго Монарха.

Поэтъ — «печальникъ народнаго горя» (Некрасовъ) еще въ 50-хъ годахъ восклицавшій:

«Назови мнѣ такую обитель,
Я такого угла не встрѣчалъ,
Гдѣ-бы сѣятель твой и хранитель,
Гдѣ-бы русскій мужикъ не стоналъ?
Волга! Волга! весной многоводной
Ты не такъ заливаешь поля,
Какъ великою скорбью народной
Переполнилась наша земля!
Гдѣ народъ, тамъ и стонъ»,

переживая великій день, говорилъ: «...Я умру спокоенъ... Я видѣлъ красный день: — въ Россіи нѣтъ рабовъ»!

Эпоха великаго реформъ достойнымъ образомъ воспѣта поэтами и писателями въ прозѣ и стихахъ.

«На рубежѣ тысячелѣтъя
Возникъ въ Россіи человекъ,
Какого ждали мы столѣтъя,
Кто славой озарилъ нашъ вѣкъ.
Питомецъ пылкаго поэта
И правды ревностный стратегъ,
Среди дворца, въ младыя лѣта —
Онъ боли русскія постигъ
И порѣшилъ въ умѣ державномъ,
Возсѣвъ на праѣдовскій тронъ,
Поставить въ царствѣ православномъ,
Свободу, правду и законъ!

ing the duties of the Monarch of Russia, the Emperor Alexandre Alexandrovich was no stranger to the affairs of state as he took part in them in his father's life time. Succeeding to the throne, March 2, 1881, he already had a perfectly definite idea of the problems before him and the character of his activity. Russia had been granted very many reforms which had radically changed the whole life of the people. What the nation needed at that time was a chance to become familiar with all these innovations. Alexandre III understood that no new reforms were needed, but the strengthening, the development and correcting of that which had been granted already. It was necessary to raise the power and authority of the government. The nihilism, the anarchical and revolutionary fermentation, with which many social circles in Russia had to count, especially among the raw youths, had to be got rid of. In the manifesto of April 29, 1881, Alexandre III said: "We call all our faithful subjects, to serve us and the Empire with faith and truth for the extermination of the hideous sedition, which brings shame on the land of Russia; for the extermination of falsehood and rapaciousness; for the restoration of order and justice in the activity of institutions which were granted to Russia by its benefactor, our beloved parent".

The whole foreign policy and the interior activity of Alexandre III were permeated with the great national spirit and principle: "Russia for Russians". Whole series of measures were undertaken in order to raise and improve the conditions of peasant life; also to improve and develop the industries and commerce of the country. The military might and fitness of the army became the uppermost care of the government. A new railway was built the whole length of Siberia. Serious attention was paid to the education of the masses. Profoundly religious by nature, the Emperor Alexandre

«Намъ рано, рано»! въ злобѣ стра-
стной
Кричалъ испуганъ барства цвѣтъ...
«Пора!» сказалъ онъ имъ въ отвѣтъ;
Махнулъ рукой своей всевластной —
И бысть въ Россіи свѣтъ!
Печальный гулъ народныхъ стоновъ
Онъ въ кличъ восторга превратилъ;
Снялъ узы рабства съ миллионовъ
И цѣпи узниковъ разбилъ.
Свободной мысли и глаголу
Онъ далъ гражданскія права,
И смѣло къ Царскому престолу
Пошла народная молва.
Гордится Русь! Ликують села!
Свободной волѣ нѣтъ препонъ,
И на обломкахъ произвола
Царить теперь законъ».

(Кони)

Но драгоцѣнная жизнь царя - Освободителя закончилась великой трагедіей. 1 марта 1881 г. въ Петербургѣ было совершенно величайшее злодѣяніе. Государь былъ убитъ. Вся Россія одѣлась въ трауръ и вынуждена была остановиться на томъ широкомъ пути прогресса, который предназначалъ ей почившій Государь.

Вступившій на престолъ 2 марта 1881 г. сынъ Александра II, Александръ III, еще при жизни отца принимавшій участіе въ государственныхъ дѣлахъ, составилъ опредѣленный взглядъ на свои задачи и планъ своей дѣятельности. Россіи даровано было много реформъ, которыя кореннымъ образомъ измѣнили всю жизнь въ государствѣ, нужно было, чтобы народъ освоился со всѣмъ этимъ. Александръ III понималъ, что не новыя реформы нужны, а закрѣпленіе, развитіе и исправленіе уже данныхъ. Нужно было поднять власть и авторитетъ правительства. Нужно было уничтожить тотъ нигилизмъ, анархическія и революціонныя броженія, которыя широкой волной раскинулись по Россіи и захватили широкіе круги общества, особенно молодежь. Въ манифестѣ 29 апрѣля

Alexandrovich understood how important it was that the people should be educated on the foundation of religion and morality. The old fashioned parish schools were brought back into activity again... The churches and the clergy had the especial attention and care of the Emperor. Great church celebrations took place on the nine hundredth anniversary of Russia's Conversion to Christ (989) and the five hundredth anniversary of the passing away (1392) of the great religious luminary of Russia, Saint Sergei of Radonej.

The foreign policy of that reign was distinguished for its love of peace, yet also for the great moral firmness of the Monarch. To Alexandre III Russia owes the fact that it possesses a deciding voice in all European and Asiatic affairs. "Thirteen years of uninterrupted peace, of deliberate, wise and firm government in accordance with the national spirit and the purpose of assuring the power and prosperity of Russia" — such was the purpose as well as the result of the reign of the Emperor Alexandre III, who was unanimously surnamed the *Peacemaker*.

In October, 1894, the Emperor-Peacemaker died and his son Nicolai Alexandrovich, the present Monarch of Russia, succeeded him on the throne.

At the very beginning of the XXth century a great trial awaited Russia. Russian history was darkened by the unfortunate war with Japan. But it is in the midst of calamities that the vitality of a nation is tested. As after the disgraceful Crimean war, so lately Russia proved strong enough to arise once more and to find a new lease of life.

We are the contemporaries of a great historical event accomplished by the will of our Monarch: the opening of the national Imperial Duma. Through it Russia was enabled once more to be served at the same time by the two powers which together built its

1881 г. Александръ III говорилъ: «Мы призываемъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ нашихъ служить намъ и государству вѣрой и правдой, къ искорененію гнусной крамолы, позорящей землю Русскую, — къ истребленію неправды и хищенія, — къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіи учреждений, дарованныхъ Россіи благодѣтелемъ ея, возлюбленнымъ нашимъ родителемъ». И вся политика и дѣятельность Александра III была проникнута великимъ національнымъ духомъ и принципомъ «Россія для Русскихъ». Предпринимается цѣлый рядъ мѣръ къ поднятію и улучшенію крестьянскаго быта, поднятію промышленности и торговли. Военная мощь Россіи и боевая готовность арміи становятся главной заботой государства, производится цѣлый рядъ улучшеній въ военномъ вѣдомствѣ. Пути сообщенія обогащаются великимъ Сибирскимъ путемъ — чрезъ всю Сибирь проводится желѣзная дорога. Обращается серьезное вниманіе на просвѣщеніе народа. Глубоко — религіозный Государь понималъ всю важность и необходимость для народа просвѣщенія въ духѣ религіозно-нравственномъ. Съ этой цѣлю насаждаются и вызываются къ жизни древнія приходскія школы при церквяхъ, которыя еще недавно въ 1909 г. торжественно праздновали четверть вѣка своей полезной и великой службы дѣлу просвѣщенія народнаго. Храмы Божіи и духовенство привлекаютъ особое вниманіе и заботливость Государя. Совершаются великія церковныя торжества въ память 900-лѣтія крещенія Руси 988 г.), 500-лѣтія со дня кончины (1392 г.) великаго свѣтильника Россіи преподобнаго Сергія.

Внѣшняя политика вполне миролюбивая отличалась великой твердостью Монарха. Вслѣдствіе усиленныхъ трудовъ и заботъ Александра III, Россія пріобрѣла сильный и рѣшающій голосъ во всѣхъ европейскихъ и азіатскихъ дѣлахъ. «13 лѣтъ непрерывнаго мира, спокойнаго, разумаго и твердаго управленія въ духѣ народномъ, съ желаніемъ

greatness and its might: the Tsar and the People.

The great Jubilee of the Romanoff dynasty finds them united in this labour.

Casting a retrospective glance over the three hundred years of Russia's history under the sceptre of the Romanoffs one cannot fail to be filled with admiration. What was Russia 300 years ago and what it is now! Imprisoned on the eastern half of the plains of Europe, Russia then possessed no free outlet; now Russia owns enormous portions of the continents of Europe and of Asia, it is surrounded by sea ports of its own, in the North and the South, the East and the West. The number of inhabitants under Peter the Great, after a whole prosperous century, was estimated at 10,000,000; now it has increased to 160,000,000. Under the first of the Romanoffs, the Tsar Michail Feodorovich, the national revenues were not quite one million roubles; under Peter the Great they were estimated at 10,000,000; at present they are something over three thousand millions — 3,000,000,000! Under Peter the Great education consisted of the simple skill in reading and writing, which was not within the reach of the great masses of the people; now we are on the eve of universal schooling, and very soon there will be no children unable to read.

As is sung in a special church canticle in the honor of the ancient image of the holy Virgin of Kostroma: "...the day of our rejoicing, for by the hand of our great prince and liege Michail Feodorovich, whose light first shone in Kostroma, Thou hast pacified the whole country, o Lord, that we might glorify Thy miracles in peace."

упрочить могущество и благоденствіе Россіи» — вотъ задача и результатъ царствованія Императора Александра III, названнаго всѣми «Миротворцемъ».

21 октября 1894 г. вступилъ на Русскій престолъ сынъ скончавшагося Царя - Миротворца, нынѣ благополучно царствующій государь Императоръ Николай Александровичъ.

Въ самомъ началѣ XX-столѣтія Россію постигло великое испытаніе. Русская исторія омрачилась тяжелой и несчастной Японской войной. Но живучесть народа познается особенно во времена бѣдствій. Когда послѣ пораженія народъ воспрянетъ съ обновленной силой, примется за излеченіе своихъ внутреннихъ язвъ и поднимается на новую высоту, то это служить залогомъ великой будущности. Такъ обновилась и поднялась наша родина послѣ Севастопольскаго пораженія, такъ и нынѣ поднялась и возвысилась наша родина послѣ тяжелой войны.

Мы, — современники, — новой великой исторической эпохи, когда манифестомъ 1905 г. волею Монарха нашего снова на службѣ Родины - Россіи сошлись обѣ созидавшія величіе и мощь нашей родины силы: царь и народъ!..

Въ этомъ единеніи и встрѣчаетъ ихъ знаменательная великая юбилейная година. Да будетъ свѣтла она, да не омрачится никакими невзгодами!..

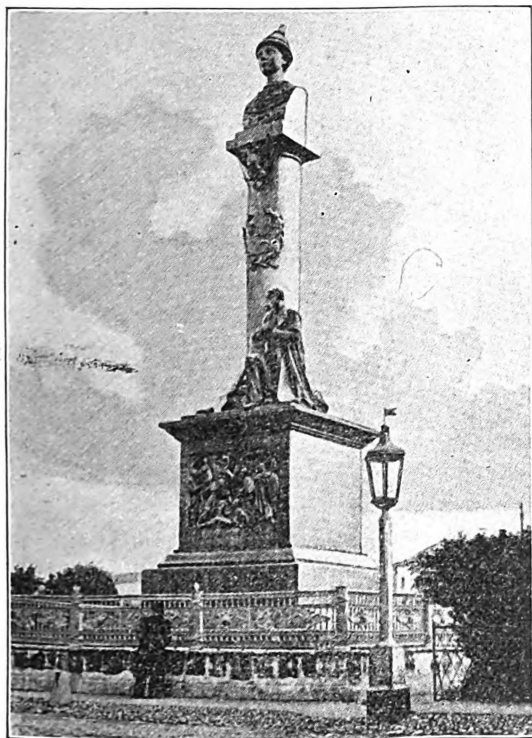
Окидывая ретроспективнымъ взглядомъ нашу 300-лѣтнюю исторію Россіи подъ скипетромъ Романовыхъ, невольно охватываетъ восторгъ удивленія. Что представляла Россія 300 лѣтъ тому назадъ и что она теперь? Заключенная среди восточной половины Европейской равнины, не имѣвшая свободнаго выхода, Россія теперь владѣетъ громадными частями Европейскаго и Азіатскаго материковъ, окружена своими морями и съ сѣвера и юга, съ запада и востока. Насчитывавшая вначалѣ нѣсколько милліоновъ населенія и еще при Петрѣ I насчитавшая только

около 10 милліоновъ жителей, Россія такъ растетъ и увеличивается, что теперь со всѣми территоріальными приобрѣтеніями насчитываетъ до 160 милліоновъ населенія. Государственные доходы едва достигавшіе еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ милліона рублей, при Петрѣ Великомъ достигаютъ 10 милліоновъ (или по современной оцѣнкѣ 100 милліоновъ), въ наши дни достигаютъ уже трехъ слишкомъ милліардовъ рублей. Народное просвѣщеніе, состоявшее въ простой грамотности и совершенно недоступное народной массѣ еще при Петрѣ Великомъ, — постепенно растетъ, и тотъ народъ, который еще 50 лѣтъ назадъ подъ игомъ крѣпостничества былъ поголовно неграмотный, — въ наши дни уже стоитъ наканунѣ всеобщей поголовной грамотности. Пройдетъ еще десятилѣтіе и мы можемъ надѣяться, что въ Россіи не будетъ уже неграмотныхъ дѣтей, которые составляютъ новое, поголовно грамотное Русское поколѣніе.

Заключая свой очеркъ я не могу удержаться отъ выраженія личныхъ чувствъ, наполняющихъ и волнующихъ меня. Вѣрноподанный Государь, сынъ родной земли, той земли Костромской въ предѣлахъ которой судилъ Господь родиться мнѣ, гдѣ 300 лѣтъ назадъ 14-го марта въ Ипатіевской обители бояринъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ принималъ скипетръ російскихъ царей, гдѣ столѣтія почитается главнѣйшая святыня нашего града — Костромы Ѳеодоровская чудотворная икона Богоматери, та икона, по слезному моленію предъ которой свершилось пріятіе скипетра Россійскаго Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, я особенно воодушевляюсь и радуюсь нынѣ. И если нынѣ, 21 февраля, съ необыкновеннымъ патріотическимъ подъемомъ тамъ за океаномъ вся Русь святая откликнулась и празднуетъ великій 300-лѣтній юбилей, то наша родная Кострома уже 300 лѣтъ изъ года въ годъ торжественно воспоминаетъ и празднуетъ великій день 14 марта. Во всей Костромской губерніи, всѣмъ почитается

этотъ день и торжественно празднуется великій праздникъ въ честь Θεодоровской иконы Богоматери. Вся служба въ честь сей иконы проникнута воспоминаніемъ о семъ великомъ историческомъ событіи «Благознаменитъ бысть Израилю день оный, — поется въ стихирѣ, — въ онъ же рукою Моисея отъ горькія работы во блаженную свободу людие Божіи превождахуся, — сие и намъ радостенъ бысть нарочитый день праздника нашего, яко днесъ рукою Великаго Князя и Государя Михаила Θεодоровича отъ Костромскихъ предѣловъ возсіявшаго, вся страны отечества нашего умирить еси Господи, да въ мирѣ глубочемъ прославляемъ благодѣянiя и чудеса Твоя».

Свящ. С. Снѣгиревъ.

Памятникъ Ивану Сусанину въ г. Костромѣ.

Изъ міра инославiя.

Хотя говорится, что «одна ласточка не дѣлаетъ весны», а все же прiятно весною даже и одну ласточку увидѣть. Чувство такой прiятности испытывается при ознакомленіи съ изданiями подъ общимъ заголовкомъ The Fundamentals. До сихъ поръ, начиная съ 1908 года, ихъ вышло 8 книжекъ различныхъ по объему и довольно разнообразныхъ по содержанію. Въ каждой книжкѣ по 8 или 9 статей; книжки постепенно увеличиваются объемомъ. Первые были сравнительно тощи, но вотъ Volumes 6, 7 и 8 имѣютъ по 127 страницъ.

Изданiя относятся, явно, къ такъ называемой «желтой» прессѣ, т. е. съ яркой полемической тенденціей. И тѣмъ эти изданiя выдаются, изъ какого лагеря тѣ two Christian Laymen, которые составляютъ Testimony Publishing Company (Not Inc.) на 808 La Salle Ave., въ Чикаго, Илл. Даже обложка книжекъ неизмѣнно желтой окраски. Издатели, несомнѣнно, изъ протестантовъ. Изъ авторовъ помѣщаемыхъ въ изданіи статей у нѣкоторыхъ стоятъ помѣты: Колледжъ Объединенной Свободной Церкви, Богословская Семинарiя Реформированной Епископальной Церкви или Объединенная Пресвитерiанская Богословская Семинарiя, Коллегiя Виклера или же Баптистская Семинарiя. «Желтизна» изданiя проглядываетъ въ направленiи нѣкоторыхъ статей противъ католицизма.

Однако сущность и цѣнность изданiя не въ этомъ его признаніи, а въ томъ, что на самомъ дѣлѣ The Fundamentals стремятся утвердить основоположенiя христіанской вѣры безотносительно, какъ самоцѣнные величины. Отраднo читать даже заголовки помѣщаемыхъ въ изданіи статей. Напр., въ книжкѣ 6-й даны слѣдующіе восемь богословскихъ очерковъ: 1) Свидѣтельство Миссiй о промышленiи Божіемъ; 2) Есть ли Богъ? 3) Грѣхъ и грядущій судъ; 4) Искупленіе; 5) Богочеловѣкъ; 6) Раннѣйшіе рассказы книги Бытія; 7) Личность и дѣло Іисуса Христа; 8)

Надежда Церкви. Изъ заглавій еще не видно, *какъ* разрѣшаются эти кардинальные вопросы христіанской вѣры, но болѣе внимательное отношеніе открываетъ, что старанія авторовъ направлены не къ тому, чтобы низпровергнуть и разрушить, а именно утвердить и укрѣпить «основоположенія» вѣры. Развѣ это не отрадно отмѣтить въ лонѣ протестантства?

Стремленіе приблизиться къ простотѣ сердечной вѣры, уставшей отъ критицизма и его безплодныхъ тупиковъ мысли, яснѣе изъ розсмотрѣнія книжки 7-й. Въ ней помѣщенъ разборъ такихъ наиболѣе колеблемыхъ въ протестантскомъ мірѣ, понятій, какъ, отношеніе естествознанія и Библии въ пунктѣ о происхожденіи родовъ и видовъ животныхъ и растений на землѣ, вдохновеніе, свидѣтельство Свящ. Писаній о самихъ себѣ, свидѣтельство объ органическомъ единствѣ Библии въ ея вдохновеніи, единство Исаи, книга пр. Даниила, три особенности Пятонкижія, о поддѣлкѣ христіанства. Въ этихъ новыхъ очеркахъ утверждается, со всею силою остроумія и доказательности, превосходство традиціоннаго вѣрованія христіанъ въ Свящ. Писаніе и полученную вѣру въ Сына Божія надъ безапелляціоннымъ критицизмомъ, клонящимъ къ разрушенію вѣры во Христа Спасителя и въ Божественное Откровеніе. Это ли не «ласточка, дѣлающая весну»?! Популярно написанные, очерки читаются съ легкостью.

Конечно, налетъ *не-православный* на способъ выраженія мыслей авторами помѣщаемыхъ въ The Fundamentals статей есть значительный. Въ книжкѣ № 8-й читаемъ статьи подъ заголовками: «Ветхозавѣтный критицизмъ и новозавѣтное христіанство», «эволюціонизмъ на церковной каѳедрѣ», но п здѣсь привлекательно желаніе стать на сторону вѣры по преданію. Таковы очерки о паденіи дарвинизма или же о свидѣтельствѣ Ап. Павла въ пользу ученія о грѣхѣ, о ступеняхъ обращенія ко Христу, о цѣнности первыхъ главъ книги Бытія. Въ статьѣ «знаніе о Бо-

гъ» требуется всецѣлая вѣра въ Свящ. Писаніе какъ въ Слово Божіе и въ воплощеніе; въ очеркѣ: «Проповѣдуй слово» настаивается на необходимости возвратиться въ проповѣди къ единой, *дѣйствительной и своей* темѣ проповѣди, именно *о спасеніи человека*. Наконецъ, въ немалой статьѣ: «Мормонизмъ: его происхожденіе, характеристика и ученіе» подвержено краснорѣчивой критикѣ это страшное «плотское» самоуслажденіе, прикрывающееся священнѣйшими для христіанина именами...

«Одна ласточка не дѣлаетъ весны». Но какъ все же пріятно увидѣть послѣ зимы даже и одну веселую, живую птичку!...

Л. Т.

«0» СТАТИСТИКА.

Согласно официальнымъ статистическимъ даннымъ, собраннымъ Dr. Carroll-омъ за 1912 годъ, главнѣйшія христіанскія церкви въ Соединенныхъ Штатахъ Америки располагаются въ такой линіи:

Римо-католиковъ	12,888,466
Методистовъ	6,905,095
Баптистовъ	5,894,232
Лютеранъ	2,353,702
Пресвитеріанъ	1,981,949
Епископаловъ	980,851
Православныхъ	175,000

Эти главнѣйшія деноминаціи показываютъ увѣренный ростъ, въ особенности молодая Православная Церковь, которая въ процентномъ отношеніи движется прогрессивнѣе всѣхъ прочихъ общинъ церковныхъ. За 1912 годъ православные приобрѣли 15,000 (въ 1911 г. Greek Orthodox было 160,000), а римо-католики всего лишь 125,000. О существованіи униатовъ въ Америкѣ, какъ отдѣльной общины, официальная статистика не упоминаетъ почему-то; они очевидно включаются подъ рубрику римо-католиковъ.

И. П.

«0»

Редакторъ,

Каѳедральный Прот. А. Хоговицкій.